

RU

Антиутопическая традиция в дилогии А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля»

Осьмухина О. Ю., Шорина Т. О.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению романной дилогии одного из ведущих современных отечественных прозаиков Андрея Рубанова. Цель исследования – выявить специфику преломления антиутопической традиции в романах А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля», составляющих единое проблемно-тематическое, жанровое и контекстуальное целое. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в результате сравнительно-сопоставительного анализа романов прозаика в них вычлняются особенности антиутопического дискурса. В результате установлено, во-первых, что при сохранении ключевых жанровых составляющих антиутопии, репрезентированных в романах Дж. Оруэлла, Евг. Замятина и О. Хаксли (топографическая замкнутость, изображение основанного на технократии тоталитарного социума, против которого восстает герой), в дилогии А. Рубанова причиной успешного функционирования антиутопического мира, его трагического воздействия на человека становится развитие общества потребления, пагубно влияющего на личность. Во-вторых, современный писатель, вслед за создателями «классического» антиутопического дискурса, центральной идейно-тематической линией в дилогии делает идею расчеловечивания и, используя флористическую образность, демонстрирует превращение личности в homo florus с полным обезличиванием и утратой самоидентификации.

EN

The dystopian tradition in A. Rubanov's dilogy "Chlorophilia" and "Living Earth"

O. Y. Osmukhina, T. O. Shorina

Abstract. This article is dedicated to the interpretation of the novelistic dilogy by Andrey Rubanov, one of the leading contemporary Russian prose writers. The aim of the study is to identify the specific features of the dystopian tradition's refraction in A. Rubanov's novels "Chlorophilia" and "Living Earth", which form a unified thematic, genre, and contextual whole. The scientific originality of the study lies in the fact that, for the first time, a comparative analysis of the author's novels reveals the peculiarities of their dystopian discourse. The study establishes, firstly, that while retaining key genre components of dystopia, as represented in the novels of G. Orwell, Ye. Zamyatin, and A. Huxley (topographical confinement, depiction of a technocracy-based totalitarian society against which the hero rebels), in A. Rubanov's dilogy, the successful functioning of the dystopian world and its tragic impact on humanity is caused by the development of a consumer society, which has a detrimental effect on individuals. Secondly, the contemporary writer, following the creators of "classical" dystopian discourse, makes the idea of dehumanization the central ideological and thematic line in the dilogy and, using floral imagery, demonstrates the transformation of person into homo florus with complete depersonalization and loss of self-identification.

Введение

Очевидно, что антиутопическая традиция оказывается в литературе XX века одной из доминирующих (Осьмухина, Харитонов, 2025; Осьмухина, Максинаев, 2023), причины чего видятся в известных идеологических обстоятельствах и социокультурном контексте эпохи, причем именно антиутопия знаменует мировоззренческий и духовный кризис новейшего времени. Как это ни парадоксально, «рифмующееся» с первым десятилетием советской эпохи, когда слом утопического мышления, сама угроза технократии и нарождающегося тоталитаризма оказывалась предметом писательской рефлексии в замятинском «Мы», «Гибели Главного Города» Е. Зозули, «Ленинграде» М. Козырева, начало 2000-х годов становится подлинным «бумом»

антиутопий, чье появление вновь было связано с неопределенностью будущего и угрозой неконтролируемого технического прогресса: достаточно вспомнить, к примеру, “Media Sapiens” С. Минаева, «Теплоход “Иосиф Бродский”» А. Проханова, «2017» О. Славниковой и др. Таким образом, актуальность настоящего исследования объясняется не только пристальным вниманием к антиутопии отечественных и западных прозаиков, остро реагирующих на процесс обезличивания человека, утрату идентичности личности и социума и – шире – обществцивизационный кризис, но и необходимостью выявления специфики репрезентации жанровой традиции антиутопии в литературе начала нового тысячелетия как маркера одной из ключевых тенденций современного литературного процесса, определения вектора ее эволюции и трансформации.

Наиболее примечательно в этом контексте творчество А. Рубанова (2021), чьи романы «Хлорофилия» (2009) и «Живая земля» (2010), составившие диологию, явились материалом настоящего исследования. Для контекстуального сопоставления нами, кроме того, привлекался роман Евг. Замятина «Мы» (1989).

В соответствии с поставленной целью нашими задачами были: во-первых, осмысление образа героя в антиутопической дилогии А. Рубанова; во-вторых, выявление в антиутопических романах писателя мотивного комплекса.

Теоретическую базу исследования составили не только работы, посвященные изучению антиутопического дискурса (Зверев, 1989; Лукашенко, 2010; Ланин, 1993; Юрьева, 2005), но и статьи, в которых анализируется творчество А. Рубанова (Жучкова, 2018; Хужахметов, 2016; Комовская, 2017).

Прежде всего нами было воспринято важное наблюдение А. Зверева о том, что «антиутопия не бывает фаталистичной, она не запугивает. <...> Мир, ею изображаемый, всегда стоит у самого рубежа, за которым начинается “последний час природы”, и, тем не менее, остается иная возможность, созданная попыткой сопротивления – даже когда по объективным причинам оно кажется немислимым. Чаще всего это не сопротивление системе, а только попытка остаться вне системы в частном и неприкосновенном, сохранив, пусть едва распознаваемый, отпечаток той самой природы, которую беспощадно подавляют ради неуклонной целесообразности» (Зверев, 1989, с. 67). Мы также учитывали основанную на специфике антиутопической модели мира в современных произведениях типологию И. Д. Лукашенко (2010), согласно которой антиутопии начала XXI столетия делятся на апокалиптические, сатирические, аналитические, революционные, обобщенные и описанные с опорой на работы Б. Ланина (1993) особенности современной антиутопии Л. М. Юрьевой (2005).

Наконец, в числе статей, где рассматриваются те или иные аспекты творчества А. Рубанова, нас интересовали лишь работы А. В. Жучковой (2018), А. О. Хужахметова (2016) и Е. В. Комовской (2017), так или иначе затрагивающие специфику рубановской антиутопии. Так, А. В. Жучкова (2018) верно подмечает движение к «социальным обобщениям» в «Хлорофилии», где к тому же, по словам А. О. Хужахметова, «упоминается и о традиционной для новейших антиутопий экологической катастрофе», и о «экономической зависимости одного государства от другого, связанной с «состоянием российской экономики в условиях современной китайской экономической экспансии» (2016, с. 144). Значимым представляется замечание Е. В. Комовской по поводу антиутопии А. Рубанова как тексте, знаменующем переход человечества из стадии homo sapiens в стадию homo flogus, а также о том, что «если авторы предшествовавшей литературы общие проблемы рассматривали через призму частного, то современные писатели проектируют судьбы каждого читателя и человечества в целом безотносительно к индивидуальным историям жизни» (2017, с. 24).

В основе методологии нашего исследования лежат принципы историко-генетического метода, позволившие выявить жанровые элементы антиутопии в романах современного прозаика; метод целостного анализа произведения, благодаря которому дилогия А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» рассматривается как единое художественное и контекстуальное целое.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения ее результатов и выводов в вузовском курсе современной отечественной литературы, спецкурсах, посвященных традиции антиутопии в литературе, русской прозе начала XXI в., при комментировании произведений А. Рубанова.

Обсуждение и результаты

Роман А. Рубанова «Хлорофилия» (2009) повествует о Москве XXII в., заросшей травой размером с Останкинскую телебашню, журналисте Савелии Герце, русско-китайских контактах и об отношениях граждан внутри России–Москвы. При этом писатель живописует те «перспективы», которые в начале XXI столетия активно обсуждались в медийном поле (китайская экспансия, сокращение населения, проблема социального расслоения и т. д.): в романе Рубанова действительно Сибирь находится в долгосрочной аренде у китайцев, русских осталось лишь сорок миллионов; москвичи живут в стоеэтажных башнях, соответственно, социальное расслоение организовано по вертикали – внизу поселены «бледные» маргиналы и травоеды, сюда не доходит солнечный свет и блага человечества, наверху – элита общества, которая насыщается солнцем и свежим воздухом. Утопическая идея коммунизма также нашла отражение в романе: нет налогов, нищих, безработных, поскольку работа – дело необязательное – пособий от китайских доходов хватит всем.

Примечательной особенностью антиутопической традиции, воплощенной в романе А. Рубанова, является государственное устройство России–Москвы (показательно, что пространство России «сужено», локализовано до ее столицы, аналогично тоталитарной Океании в оруэлловском «1984» или Единому Государству в замятинском «Мы»): тотальный контроль полицейских, узурпирующие законодательную власть ученые-фанатики, постоянное наблюдение за всеми. «Быть администратором, государственным служащим – от мелкого

инспектора до премьер-министра – значило круглосуточно находиться под наблюдением, отчитываться за каждую невинную реплику, сказанную собственным детям. Государством управляли хладнокровные, лишенные фантазии флегматики, тщательно контролирующие все аспекты своей жизни. <...> Законодательную власть узурпировали ученые: законы сочинялись в специализированных институтах и годами скрупулезно обкатывались на компьютерных моделях. Внутренняя политика изжила себя; демагоги, популисты, любители произнесения публичных речей и прочие дилетанты имели неограниченный доступ к максимальной аудитории – для них выделили специальный телевизионный канал, всегда имевший, кстати, постыдно низкий рейтинг» (Рубанов, 2021, с. 58).

Абсурдизм контроля, возведенный в абсолют, – признак антиутопии, при этом тотальное наблюдение ведется не только за рядовыми гражданами, но и за государственными служащими – именно так писатель стремится раскрыть разрушительную силу фанатизма и медленную смерть человека мыслящего, смерть *homo sapiens* и его перерождение в *homo florus*, живущего в мире, согласно лозунгу «Ты никому ничего не должен» (Рубанов, 2021, с. 8). На первый взгляд, Москва XXII века кажется счастливым городом: она богата, китайцы обеспечивают граждан, полезной деятельностью занимаются по желанию. Однако идеальная картина мира иллюзорна: Россия потеряла территории (в Восточной Сибири создана Свободная Экономическая Зона, где китайцы работают и производят продукты для москвичей), первая по территории страна сократилась до одного города, лишённого солнца из-за стеблей травы ниже сороковых этажей. В новой России «каждый смертный с младенчества имеет под кожей микрочип» (Рубанов, 2021, с. 10) для зачисления прибыли от китайцев, что вполне соотносимо с обезличенными и легко контролируемыми «нумерами» Единого Государства в «Мы». Здесь «объективы двадцати пяти конкурирующих друг с другом полиций простреливают каждый метр пространства» (Рубанов, 2021, с. 10), полностью лишая человека личной жизни и своего, «безопасного», топоса. Ко всему прочему, в Москве «светлого будущего» реализуется проект «Соседи», который позволяет участникам следить друг за другом и тотально контролировать даже повседневную жизнь в лучших традициях замятинского «Мы» с его прозрачными постройками в Едином Государстве («...среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду. <...> Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей» (Замятин, 1989, с. 319)), а также вполне соотносим с более близким медийным контекстом – реалии-шоу «За стеклом», «Дом-2». Очевидно, что пространство Москвы антиутопично, оно не просто отличается «замкнутостью, отгороженностью от остального мира» (Завьялова. 2018, с. 46), но максимально сужается, становится похожим на тюрьму, не оставляя персонажам даже возможности существовать в зоне интимной, личной.

Главный герой Савелий Герц в своих воспоминаниях называет время до травы «золотым веком», а главным достоянием и гордостью страны – территории: «К черту нефть, газ, древесину, прочее сырье, продажей которого когда-то пробавлялась страна. К черту русские мозги, русских изобретателей, балерин, писателей, манекенщиц, программистов, хоккеистов и невест. Русские территории – вот главный капитал нации» (Рубанов, 2021, с. 33). Делая ставку на земли и природу, москвичи не могли и предположить, что последняя решит испытать их. В 2065 году появившаяся из ниоткуда трава буквально «превратила огромный город в декорацию сюрреалистического фильма» (Рубанов, 2021, с. 33). Траву невозможно вырвать, уничтожить – новый стебель вырастает за несколько часов, и со временем загадочное растение меняет климат, температурный режим и состав атмосферы: «Столица России обратилась в болото, звенящее кровосушущими насекомыми» (Рубанов, 2021, с. 34) – людьми. С одной стороны, появление травы – катастрофа, из-за которой «золотой век» России заканчивается. Это символ наказания, поскольку появляется, когда технологический прогресс достигает пика, общество саморазрушается, утрачивается природа человека. С другой стороны, трава – спасение, потому что именно она становится триггером, способствующим остановке процесса социальной и личностной деструкции.

Как мы уже отметили, московское общество XXII века делится на «бедных», обитателей тридцатого этажа и ниже, и «людоедов» – элиты, живущей на верхних этажах. Примечательна фонетическая игра слов – люди не *бедные*, но *бледные*, у них есть деньги, но нет солнца. Есть возможность переехать на более высокие этажи, зажить полноценной жизнью, но из-за отсутствия целей, жизненных сил они вынуждены оставаться внизу и «жрать» мякоть стебля, которая приносит радость и умиротворение: «В мякоти есть все. Растительный белок, витамины и углеводы. Это как питаться хлебом, орехами и оливковым маслом, только в концентрированном виде. Проглотил чайную ложечку – и весь день сыт. Плюс сильное ощущение эйфории» (Рубанов, 2021, с. 38). Ощущение постоянного наслаждения подавляет стремление совершенствоваться, человеку не нужна какая-либо трудовая и умственная деятельность, и хотя «жрать» мякоть стебля запретили на законодательном уровне, этот запрет мало кто соблюдает: личность уничтожает себя, теряет идентичность, уподобляется растению. Это касается не только «сорняков», бесполезных и вредных растений – «конченных травоедов», которые растут везде и могут жить без солнца, но и «элитных культур» – «людоедов», тоже употребляющих траву, но не менее седьмой возгонки, живущих на солнце и в буквальном смысле борющихся за место под ним, ибо тень приводит к депрессии. Но и они «обратятся в стебли. Утратят человеческий облик. Буквально. Физиологически» (Рубанов, 2021, с. 177). Употребление концентрата создает новую ступень «эволюции» (в действительности, деградациии) человеческого общества – *homo florus*, причем именно метафора «растения» маркирует потерю человеческой уникальности: человеческая природа заменяется растительной, сама жизнь людей-растений состоит из ежедневного употребления огромного количества воды и отдыха на солнце.

Главный герой следует «элитной» моде и тоже употребляет мякоть стебля, хотя сам презирает «конченных травоедов». Подобные двойные стандарты свойственны всем «людоедам», умело маскирующим употребленные травы, – они активно работают, живут вроде бы полноценной жизнью, по сравнению с «бледными». Однако их чувственная сфера атрофирована (вспомним в связи с этим персонажей замятинского «Мы», подвергшихся процедуре ампутации фантазии: на их лицах вечная улыбка идиотов): главная эмоция, которая отличает «людоедов», – гнев, ибо лишь он помогает им бороться за солнечное тепло и свет. Примечательно, однако, что если в антиутопиях Евг. Замятина и Дж. Оруэлла всемогущее государство, локализованное в лице Благодетеля или Большого Брата, уродовало человека, лишало его идентичности, дабы избежать опасных проявлений свободного волеизъявления, то у А. Рубанова человек сам добровольно уродует себя, превращаясь в гротескный образ человека-растения.

В антиутопии подчеркивается исключительность личности, «социальная среда и личность – вот основной конфликт антиутопии» (Ланин, 1993, с. 158). Писатель демонстрирует жизнь общества будущего, частную жизнь человека будущего, но, как пишет А. П. Завьялова, «не стремится создать личность абсолютно уникальную, способную своими поступками спасти весь мир, но показывает личность, способную начать изменения с себя, начать восстановление общества со спасения немногих» (2018, с. 51). Савелий Герц одним из первых потребителей концентрата узнает о мутации не только детей, рожденных в элитных кругах, но и самих «людоедов», которые постепенно превращаются в растения. Катастрофа роста травы спустя сорок лет сменяется катастрофой генетического уровня, ибо всеобщее процветание за счет китайцев – лишь фикция: китайцы, приносившие огромные доходы жителям России, решили уйти из Сибири, полностью истощив природные ресурсы богатых земель. Очередная катастрофа надвигается на жителей России, «профессиональных бездельников» третьего поколения, поколения потребления, но не созидания, и теперь «выживут лучшие, “те, кто умеет терпеть и адаптироваться”» (Рубанов, 2021, с. 125).

Однако подлинная катастрофа – рождение полудетей, полурастений – апатичных, не способных к полноценному существованию в интеллектуальном и духовном смысле, знаменующих процесс расчеловечивания в мире всеобщего потребления. В страхе перед подобной будущностью главный герой отправляется в колонию, окруженную густым лесом, огромным полем, а за холмом – дикая земля: «...позабитый людьми край, брошенные села и города, <...> редкие племена дикарей» (Рубанов, 2021, с. 191). Сравним у Замятина: «Из-за Зеленой Стены, с диких неведомых равнин <...>» (1989, с. 308). Мотив противопоставления «нормального» и «дикого» характерен для антиутопии – образы «дикарей» есть и у Е. Замятина в «Мы», и у О. Хаксли в «Дивном новом мире». Но если у Хаксли «дикарь», оказавшись в Мировом Государстве, не выдерживает противоестественности законов и кончает жизнь самоубийством, то в «Хлорофилии» Рубанова «дикари» – это единственные, в ком сохранилось человеческое, равно как и у Замятина: фантазия, способность к творчеству и любви способны противостоять расчеловечиванию и утрате идентичности – именно «лесные» люди, оказавшиеся за Стеной, по-настоящему счастливы и свободны.

В колонии «диких людей» Савелий Герц – герой-интеллигент – впервые задумывается о важных вопросах, которые не интересовали его в Москве: «Почему забыл, насколько интересно оставаться человеком. Растение хочет только воды и солнца, а человек желает все на свете. <...> В конечном итоге человечество страдает от того, что само изобрело. Но продолжает изобретать и страдать» (Рубанов, 2021, с. 191). Герц начинает мыслить и действовать как человек, бороться за себя, беременную жену и будущего ребенка, понимая, что человек может остаться человеком, имея сердце и разум, совершая человеческие поступки. Стремление вырваться из общества потребления, из ежедневного расчеловечивания побуждает героя идти против системы: «Я становлюсь человеком каждый раз, когда совершаю человеческий поступок. <...> Мне все равно, кем я буду завтра. Тем более послезавтра. Если сегодня я человек, я сделаю все, чтобы им остаться» (Рубанов, 2021, с. 236).

Финал романа отчетливо дает понять, что человек ни при каких обстоятельствах не должен отказываться от собственной природы, бороться за человечество и человечность. Эта важная миссия поручена интеллигенции, Герц верит в нее: «Мы хитрые и крепкие, и мы непобедимы... <...> Мы гораздо сильнее, чем все розенкрейцеры и тамплиеры. По сравнению с нами масоны – маленькая декоративная секта. Наш масштаб – огромный. Наша история уходит корнями в глубь веков. Мы повелеваем умами. Мы творим историю, делаем политику и культуру. Мы казним царей, устраиваем революции, создаем ракеты, бомбы и лекарства от всех болезней. Мы везде, и мы всемогущи» (Рубанов, 2021, с. 227-228). Равно, кстати, как в замятинском «Мы» сын О-90 и D-503, оказавшийся за Стеной, будет рожден и воспитан в естественном мире, так и в рубановской «Хлорофилии» сын главного героя появится на свет в колонии среди свободных и мыслящих *homo sapiens*, а не *homo florus*.

Действительно, события второй части дилогии («Живая земля») разворачиваются спустя двадцать лет после произошедшего в «Хлорофилии»: сын Герца – Денис Савельевич – живет в иных условиях: Россия поделена на два мира – Старая и Новая Москва. Пространственная вертикаль сместилась: самые богатые теперь обитают в Новой Москве – анклав, находящемся в Сибири, где работали китайцы, городе под Куполом, куда пускают жить лишь по рекомендации властей Новой Москвы. На первый взгляд, наступило царство утопии, где «идеально налажено природопользование», «из московских рек и водоемов можно пить», а «хлеб в России давно уже бесплатный» (Рубанов, 2021, с. 322). В действительности, не все идеально: в Старой Москве «жизнь в коммуналках, теснота, горячая вода по расписанию. <...> Сделать сложную операцию – год очереди. Каждый пятый взрослый мужчина – алкоголик. Каждый восьмой сидит без работы» (Рубанов, 2021, с. 317). Люди пытаются выжить, не потребляя, но создавая.

Следуя антиутопической традиции, А. Рубанов в «Живой земле» вновь вводит героя, который не согласен с существующей системой и желает бороться с ней. Денис Герц – потомственный интеллигент, и надежда о спасении человечества от пагубного самоуничтожения возложена на него. Однажды вся налаженная жизнь Дениса может исчезнуть – ему достается семя стебля, способное разрушить реальный мир и вернуться в прошлое, когда в Москве только-только проросла трава. С одной стороны, идея возвращения во времена всеобщего процветания кажется не такой плохой на фоне страшного существования в Старой Москве. С другой, подобное возвращение угрожает процессом тотального расчеловечивания. В Новой Москве тем, кто может верно распорядиться семенем, оказывается Гарри Годунов, автор бестселлеров «Бледные люди» и «Священной книги», ставшей в свое время Библией Храма Стебля Господнего. Примечательны, кстати, иронические отсылки одновременно к Гарри Поттеру, мальчику-волшебнику, противостоящему страшному Волан-де-Морту и способному спасти мир Хогвартса, и к первому правителю «смутного времени» Борису Годунову, содержащиеся в контаминации имени, а также названия бестселлеров, созданных Гарри Годуновым, отсылающих к культовым фигурам Ф. М. Достоевского («Бедные люди») и В. Пелевина («Священная книга оборотня»).

Подчеркнем, что антиутопический образ Новой Москвы в «Живой земле» становится «преемником» образа Москвы, поросшей травой, в «Хлорофилии» с той лишь разницей, что во второй части диалогии абсурдизм тотального контроля предельно сатирически заострен. Так, справку о правилах поведения в городе трансплантируют по приезду, биографии жителей прозрачны, финансы, личные счета и даже мысли можно посмотреть без особого труда, любую информацию можно вживить другому человеку: «Мое имя, фамилия, род занятий, место рождения и особые метки находятся в общедоступном файле, файл является собственностью Нулевого канала и свободно пребывает в активном информационном поле. Любой гражданин в любой момент времени в любой точке города может загрузить себе мой файл и выяснить...» (Рубанов, 2021, с. 357). Общество стало настолько прозрачным, насколько неспособным к восприятию юмора, человеческому общению и обмену информацией: «Ни одной компании, ни одной беседующей на ходу парочки, каждый сам по себе, все молчат, многие – в темных очках, а кто не в очках – смотрит либо себе под ноги, либо поверх голов. Почти все улыбаются, но не друг другу, а скорее своим мыслям» (Рубанов, 2021, с. 366).

Абсолютно все данные известны главе Нулевого канала – Никите Никитовичу Пружинову, бывшему коллеге по издательству журнала «Самый-Самый» Годунова и Герца-старшего. Гарри Годунов отмечает, что под Куполом нельзя говорить «загрузить файл», так как «загружают в компьютер, который мертвый и железный. А в человека – «вживляют»» (Рубанов, 2021, с. 357). Очевидно, что единственное отличие человека от машины – слова, семантически синонимичные, и в антиутопическом мире Новой Москвы человек без личной жизни, без своей тайны и частного пространства сродни компьютеру, принадлежащему власти, марионетка в ее руках. Общество растерянное за двадцать лет сменяется обществом роботов (в прямом и переносном смысле), не способным мыслить индивидуально (очевидная параллель с «нумерами» как «человекообразными тракторами» из замятинского «Мы»). Обезличивание граждан, их полное подчинение власти грозит неминуемой катастрофой.

Антагонистом в антиутопии, как правило, выступает представитель власти, правитель тоталитарного общества – Благодетель у Е. Замятина, Главноуправитель Мирового Государства Мустафа Монд у О. Хаксли, высокопоставленный член Внутренней Партии О'Брайен у Дж. Оруэлла. Если в первой части диалогии А. Рубанов не персонифицирует антагониста, ибо сами люди были заняты самоистреблением, то в «Живой земле» антагонистом оказывается Никита Никитович Пружинов, который благодаря созданию активного информационного поля становится названным правителем Старой и Новой Москвы. В высшей степени цинично рассуждает он об устройстве «нового мира»: «В моей стране глупые и доверчивые предоставлены сами себе. Им отдали Европу, им дали бесплатный хлеб, который на самом деле ни х*** не бесплатный и никогда не будет бесплатным... Они там гужуются, берегут сбереженное, башни сносят голыми руками... Самоуправление, самообслуживание... Жратва – есть, хулиганье и злодеев прижали... Молодцы! А чуть кто появляется смелый, резкий, критично настроенный, мы его – хоп! К себе берем. Под Купол. Или уничтожаем. <...> Мы собрали лучших, сливки, и теперь работаем с ними» (Рубанов, 2021, с. 414). Или: «Элиту, активных, лучше не обманывать, а покупать. Даем им комфорт, постоянную температуру, вечное лето, здравоохранение и доступ к информации. Элита хочет все знать, мы ей даем такую возможность. Мы – власть, мы прозрачны. <...> Умники не желают, чтобы мы копались в их мозгах. <...> Идиоты! Зачем мне их мозги? <...> Зачем воспитывать в человеке честность, если ее можно имплантировать? Зачем уговаривать, если можно вживить немного неуверенности, минимальную дозу страха, вызвать слабенькую депрессию?» (Рубанов, 2021, с. 415). Бездушием его идеологии демонстрируется истинное лицо власти, которая не хочет воспитывать достойное общество, но способна лишь «вживлять» необходимые чувства и полностью контролировать жизнь, мысли граждан, неспособных и нежелающих противостоять тоталитарному режиму.

Антиутопично в романе и наличие наказания за проступки в Новой Москве. Но если у Евг. Замятина оно представлялось как казнь в машине Благодетеля, у Дж. Оруэлла – как комната 101, камера пыток в Министерстве любви, то у А. Рубанова – это не выселение из «идеального» города, но полное возмещение вложенных государством средств в провинившегося. «Из Новой Москвы никого не высылают. Как ты вышлешь человека, если в него деньги вложены? Его растили, его учили. На него рассчитывали. Его защищали от морозов. Ему сделали дороги, чтоб он по ним ездил. Наконец, в него имплантировали информацию, а информация – это, друг мой, самое дорогое. Купол над твоей головой стоит триллион юаней, но даже он – чепуха по сравнению с суммой информации, вложенной в голову каждого местного жителя. <...> Тут все продумано. Тут все очень строго. Тут, если ты провинился, тебе все посчитают, до копейки» (Рубанов, 2021, с. 359).

Антиутопический мир «Живой земли» оказывается гораздо страшнее, нежели Единое Государство или Океания, ибо в нем обретают ценность лишь деньги, которыми «просчитываются» всё и вся, и здесь писатель сатирически заостряет одну из главных современных проблем – губительная власть денег над личностью и социумом (уже заглавие маркирует эту мысль, оказываясь оксюмороном по отношению к романному мертвому миру Новой Москвы).

Протагонист Денис Герц, пребывающий под Куполом, постоянно мучается сомнениями: с одной стороны, жить в городе и не быть обремененным заботами весьма привлекательно; с другой – он желает работать для процветания страны, мечтает о реальной девушке Тане, а не о «куклах» в прозрачных одеждах, живляющих свои откровенные фотографии в его файл. Денис не предаёт свои принципы – он остается верным интеллигентскому мышлению, унаследованному от отца, и готов менять мир, но не радикально, а постепенно, совершенствуя в первую очередь себя, сохраняя в себе подлинно человеческое: «Я его меняю, – сказал Денис. – Каждый день. Я ломаю башни. Я учусь в институте. Я люблю свою мать и свою девушку. Если я увижу, что кто-то ведет себя неправильно, – я подхожу и даю по шее. Это мой способ изменить мир. Я – не как вы, не сочиняю книг... Я не такой умный. <...> Зато в моем присутствии никто не может обидеть слабого. Ударить женщину. Толкнуть старика. Обмануть наивного. Растлить ребенка. Так я меняю мир» (Рубанов, 2021, с. 438-439). Фактически А. Рубанов во второй части диалогии реализует идею, четко обозначенную еще в «Хлорофилии», – мир меняют не гении, но простые люди, знающие понятия чести и долга.

Заключение

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, в диалогии «Хлорофилия» и «Живая земля» А. Рубанов следует антиутопической традиции, преломляемой в прозе Е. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла (замкнутость пространства: сужении России до пределов Москвы; мотивы противостояния «нормального»/«дикого» и наказания за проступки; отвержение «идеальным» миром прошлого и тотальное наблюдение за гражданами; герой, стоящий вне системы и готовый на борьбу с ней). При этом современный прозаик не педалирует идею технологического прогресса как главную причину возникновения тоталитарного общества и антиутопического мира. Внимание акцентировано на критических последствиях активного развития общества потребления, где люди разучились создавать, трудиться, мыслить. Губительным становится не трава, выросшая, возможно, для спасения человеческой природы, но сами люди, которые разрушают самое себя, самость, возводя индивидуализм в абсолют, что ведет к тотальной деструкции социальных связей и в конечном итоге – к крушению цивилизации. Равно как и у предшественников, в антиутопическом мире диалогии А. Рубанова создается новая религия, основанная на тотальном и беспрекословном поклонении божественному (пропаганда Священной книги косвенно освещена в «Хлорофилии», в «Живой земле» она достигает апогея в погоне за присвоением семени стебля), но одержимость идеей, фанатизм ведет к расчеловечиванию, обезличиванию людей. Омертвевшее общество находится под угрозой потери самоидентификации, и главная задача героя-интеллигента – найти решение для спасения человеческой природы.

Во-вторых, равно как и его предшественники-антиутописты, А. Рубанов через призму возможно будущего показывает уже существующие социальные проблемы – потребительские отношения, активное распространение «нефильтрованной» информации, пассивный образ жизни, нежелание властей решать насущные проблемы, обывателей же – менять мир и самих себя. Прозаик изображает то, что может случиться с Россией и ее гражданами, если они не возьмут ответственность за свои решения и поступки, перестанут думать и созидать. Протагонистом в обеих частях диалогии, равно как и в романах «Сажайте, и вырастет», «Великая Мечта», оказывается герой-интеллигент, порождение переломной эпохи, рефлектирующий, меняющий себя для того, чтобы усовершенствовать мир, готовый в первой части вырваться из системы тотального контроля во имя спасения себя и близких, во второй – противостоять сатирически заостренному омертвевшему миру Новой Москвы во имя сохранения человечества. Герой этот в «Живой земле» действует не один – у него есть учителя и наставники, в связи с чем можно говорить о синтезе традиций антиутопии и романа воспитания.

Наконец, будущее «со знаком минус» писатель изображает с помощью флористического мотива – человек в буквальном смысле превратится в растение, нуждающееся лишь в питании и солнечном свете.

Перспективой исследования может стать как анализ жанрового своеобразия других произведений А. Рубанова, причем не только художественных, но и тяготеющей к non-fiction «Ледяной тетради», так и традиции антиутопии в современной отечественной прозе последнего десятилетия.

Материалы исследования | Research materials

1. Замятин Е. И. Избранное. М.: Правда, 1989.
2. Рубанов А. В. Хлорофилия. Живая земля: романы / ред. Е. Шубина. М.: АСТ, 2021.

Источники | References

1. Жучкова А. В. Похороны сына века: роман А. Рубанова «Патриот» // Вопросы литературы. 2018. № 1.
2. Завьялова А. П. Особенности хронотопа в романе А. Рубанова «Хлорофилия» // Актуальные проблемы филологии. 2018. № 16.

3. Зверев А. М. «Когда пробьет последний час природы...» (Антиутопия. XX век) // Вопросы литературы. 1989. № 1.
4. Комовская Е. В. От гомо сапиенса до гомо советикуса к гомо флорусу (на основе романов-идей А. А. Зиновьева и А. А. Рубанова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1.
5. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
6. Лукашенко И. Д. Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2010. № 4. Т. 1.
7. Осьмухина О. Ю., Максинаев Р. И. Специфика преломления антиутопической традиции в повести Юза Алешковского «Николай Николаевич» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20230300>
8. Осьмухина О. Ю., Харитонов А. Н. Антиутопическая традиция в ранней прозе братьев А. и Б. Стругацких. Статья первая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20250324>
9. Хужахметов А. О. В поисках героя своего времени. Андрей Рубанов // Вопросы литературы. 2016. № 6.
10. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы: монография. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2005.

Информация об авторах | Author information

RU**Осьмухина Ольга Юрьевна¹**, д. филол. н., проф.**Шорина Татьяна Олеговна²**^{1,2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск**EN****Olga Yurievna Osmukhina¹**, Dr**Tatiana Olegovna Shorina²**^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk¹ osmukhina@inbox.ru, ² tanyashorina1993@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.02.2026; опубликовано online (published online): 06.04.2026.

Ключевые слова (keywords): Андрей Рубанов; современная русская проза; антиутопическая традиция в дилогии Рубанова; мотивный комплекс дилогии Рубанова; проблема героя «нового времени» в романах Рубанова; Andrey Rubanov; contemporary Russian prose; dystopian tradition in Rubanov's dilogy; motif complex of Rubanov's duology; problem of the "new era" hero in Rubanov's novels.